

объективизм, этимологическая строгость, устойчивая ориентация на поиск фонетических законов (с учетом, разумеется, тех особенностей, которые может налагать на их реализацию ситуация междиалектных контактов) — вот лишь некоторые существенные черты лингвистического стиля В. К. Кельмакова.

Полностью обоснованным и наиболее адекватным в данной ситуации явилось представление В. К. Кельмаковым диссертации в форме научного доклада, сжато резюмирующего результаты исследований и взгляды автора по всему комплексу вопросов фонетико-фонологического опи-

сания и классификации удмуртских диалектов, исторической фонетики удмуртского языка. Хочется, однако, выразить надежду, что в дальнейшем эти материалы и интерпретации, рассеянные по многочисленным публикациям, автор найдет возможность с достаточной подробностью изложить в нескольких фундаментальных монографиях (в частности, по удмуртской диалектологии и по исторической фонетике удмуртского языка). Коллеги-финно-угроведы и будущие поколения исследователей ждут от В. К. Кельмакова этих книг.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

Е. И. Мартынова, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1993. 152 с.

Н. П. Гальцова, Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1993. 168 с.

11 июня 1993 г. на заседании Специализированного совета К. 200.04.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук состоялась защита двух кандидатских диссертаций — Елены Ивановны Мартыновой и Натальи Петровны Гальцовой.

Работа Е. И. Мартыновой «Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола» выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора М. И. Черемисиной. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова (Москва) и кандидат филологических наук Н. Г. Кузнецова (Томск). Работа Н. П. Гальцовой «Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке» сделана под руководством доктора филологических наук профессора Э. Г. Беккер и Н. Г. Кузнецовой. Официальными оппонентами были А. И. Кузнецова и кандидат

филологических наук доцент А. И. Кузьмина (Новосибирск).

Обе работы защищались по специальности 10.02.02. «Языки народов СНГ» и написаны по материалам селькупского языка, интерес к которому в последние десятилетия заметно возрос. Данный язык, особенно его южные диалекты, подвергшиеся вначале тюркизации, а затем русификации, в настоящее время можно рассматривать как вымирающий: разрушение и забвение селькупского языка зашло достаточно далеко, несмотря на все предпринимаемые сейчас попытки задержать процесс его исчезновения. Лингвисты активно занимаются реанимацией селькупского языка, особенно северного (тазовского) диалекта, который в XVII—XVIII вв. в тазовском регионе в какой-то момент стал родным языком населения, складывавшегося на базе этнически разнородных элементов — селькупов, энцев, хантов и кетов (между которыми часто заключались смешанные браки), хотя в численном отношении селькупов было в этот период меньше, чем энцев.

Языковеды с большой энергией и по крупницам собирают все, что еще уцелело в селькупском языке, что не разрушено интерференционным воздействием других языков, прежде всего — русского.

Различные диалекты и говоры селькупского языка изучены с разной степенью полноты: так, среди диалектов южных селькупов лучше других изучен нарымский, хуже — тымский; в северном (тазовском) диалекте недостаточно исследован верхнетазовский (раттовский) говор. Оба автора для решения выбранных ими в качестве объекта анализа проблем обратились к материалам сравнительно мало изученных говоров и диалектов, что всегда представляет большую ценность для науки. Например, в тымском диалекте при достаточно хорошей изученности имени существительного, прилагательного, местоимений и наречий почти не уделялось внимания глаголу, анализ которого дан в работе Н. П. Гальцовой. Е. И. Мартынова, работавшая в основном на материале тазовского диалекта, много внимания уделила верхнетазовскому говору.

С другой стороны, в селькупском языке неравномерно описаны разные его уровни: имеется немало исследований в области фонетики (как синхронной, так и диахронной), морфологии, однако синтаксис остается пока слабо разработанным. Этот пробел и призвана восполнить работа Е. И. Мартыновой, посвященная изучению состава и синтаксических функций инфинитных форм селькупского языка, которые до сих пор редко привлекали к себе внимание лингвистов.

Работа Е. И. Мартыновой состоит из введения, трех глав, заключения, трех приложений (№ 1 содержит тексты с переводом на русский язык; № 2 — список сокращений текстовых источников и населенных пунктов и № 3 — список информантов) и библиографии (200 наименований). Работа построена логично, ее композиция подчинена решению поставленных задач, четко сформулированных на с. 10: дать общую характеристику системы глагола селькупского языка и уточнить состав инфинитных форм по диалектам (глава 1); описать функционирование инфинитных форм в качестве знаменательного члена аналитических глагольных конструкций и члена предложения (глава 2);

разработать структурную и функциональную классификацию конструкций с инфинитными формами (глава 3).

Во введении (с. 4—13) автор раскрывает свое понимание актуальности и новизны темы, определяет цель и задачи исследования, описывает материал, на котором базируется работа.

Материал собирался Е. И. Мартыновой в полевых условиях в ходе четырех экспедиций (двух — к южным и двух — к северным селькупам). В последние 10—15 лет среди самодистов, изучающих селькупский язык, усилился интерес к говорам тазовского диалекта, особенно к верхнетазовскому, имеющему (в силу своей удаленности) наилучшую сохранность среди других многочисленных говоров и диалектов селькупского языка и вместе с тем наименьшую изученность. В этой связи необходимо подчеркнуть ценность вновь «добытых» Е. И. Мартыновой материалов, которые хорошо было бы дать полностью в приложении к работе, тем более что они представляют собой корпус фраз, объединенных одной темой — синтаксическое функционирование инфинитных форм селькупского глагола.

Следует, правда, сразу же указать на необходимость более внимательного и бережного отношения к фонетике. Е. И. Мартынова специально оговаривает возможную неточность фонетико-фонологической записи текстов (с. 12), что, с одной стороны, может быть прощено автору, поскольку не отражается на результатах исследования в области синтаксиса, но, с другой, ограничивает возможности использования лингвистами этих ценных материалов. Для того, чтобы ввести в научный обиход собранный материал, издав его, в чем так нуждается в настоящее время самодистика, в чем заинтересованы не только специалисты по синтаксису, но и фонетисты, историки языка, издатели научно обработанных фольклорных текстов, составители учебников и книг для чтения, где не допустимы ошибки фонетического и грамматического характера, необходимо провести тотальную вычитку селькупских примеров.

Во введении приводится также историография работ по инфинитным формам в уральских языках и кратко излагаются социо- и этнолингвистические сведения о

селькупках. Для работы, защищаемой в 1993 г., следовало бы дать описание социолингвистической ситуации у селькупов (с. 6) по переписи 1989 г., результаты которой были опубликованы у нас в стране, а не прибегать к труду П. Хайду 1988 г., использовавшего данные предыдущей переписи.

Не точно говорить о том, что в Тазовском районе возрождается письменность, которая была в 1930-е годы создана Г. Н. Прокофьевым. Алфавит Г. Н. Прокофьева был ориентирован на среднетазовский (красноселькупский) говор, а алфавит С. И. Ирикова — на верхнетазовский (раттовский) со всеми вытекающими отсюда языковыми особенностями (кстати, на с. 5 в отличие от с. 48 красноселькупский говор отнесен к верхнетазовскому, а раттовский — к среднетазовскому. Видимо, это пропущенная опечатка или опечатка).

Глава I (с. 14—67) посвящена выяснению вопроса о месте инфинитивных форм в глагольной парадигме. Вопрос не праздный, и ответ на него не однозначный.

Что такое в традиционной лингвистической номенклатуре инфинитив, имя действия, причастие и деепричастие, как их определять, не совсем ясно. У всех перечисленных понятий есть набор гетерогенных признаков, свойств, позволяющих относить их одновременно к разным частям речи, хотя в языках мира они обычно считаются нефинитивными глагольными формами, а в случае лексикализации какой-либо грамматической формы могут переходить в другие части речи — существительные, прилагательные или наречия. При этом обычно учитываются (помимо морфологических) семантические и синтаксические критерии, как это делается, например, в языках индоевропейской языковой семьи. Дискретно разложить лексикону (в данном случае, на морфологическом уровне) нельзя, разумнее говорить о модели частеречного континуума. С этой точки зрения имена действия и инфинитив следует рассматривать как часть речи, занимающую промежуточную позицию на шкале переходности от глагола к существительному, когда признаки одной части речи дополняются признаками другой. У причастий и деепричастий, помимо морфологических признаков, общих с глаголом, есть функционально-семантичес-

кие черты, сближающие их с прилагательными и наречиями соответственно (кстати, случайно или нет, но в автореферате Н. П. Гальцовой (с. 2) инфинитивные формы перечисляются без всяких оговорок в одном ряду с такими частями речи, как существительное, прилагательное, местоимение и наречие).

Существует, однако, и другая точка зрения, по которой в синхронном аспекте наличие именных черт (помимо глагольных) в уральских инфинитиве, именах действия, причастиях может быть объяснено в рамках теории репрезентации с учетом не столько синтаксических и семантических, сколько прежде всего морфологических признаков. Упор делается на сами граммы, и субстантивные, адъективные, вербальные и адвербальные репрезентации, объявляемые особыми грамматическими категориями, оказываются присущими любому знаменательному слову (по крайней мере, в тазовском диалекте селькупского языка), создавая соответствующие парадигмы, как правило, дефектные, а иногда редуцированные до нуля. Так, в селькупском инфинитиве нет падежей в отличие от инфинитивов многих других уральских языков (ср. наличие субстантивной репрезентации у «злевых» образований типа *sii-ryj* 'зверный', т.е. у прилагательных, рассмотренных в диссертации А. И. Гашилова «Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка» (Ленинград 1988)). Теория репрезентации позволяет рассматривать инфинитив и имя действия как субстантивную репрезентацию глагола (в свою очередь, есть критерии, по которым можно различать инфинитив и имя действия), причастие — как адъективную, деепричастие — как адвербальную (сам глагол с этих позиций — вербальная репрезентация, как бы «очищенная» в основном от свойств других частей речи, но по некоторым признакам все же пересекающаяся с ними).

Е. И. Мартынова не задается целью теоретически решить проблемы статуса инфинитивных форм, но действует практически, определяя в I главе состав инфинитивных форм в парадигме глагола. Здесь высказана интересная гипотеза о наличии в составе инфинитивных форм супина с ограниченной дистрибуцией, однако сама ав-

тор выражает некоторые сомнения в его существовании и считает необходимым проверить гипотезу до конца. Помимо обсуждения состава инфинитных форм в глагольной парадигме, Е. И. Мартынова перечисляет набор признаков (грамматических категорий) у каждой из инфинитных форм. В этой же главе она подробно останавливается на общей характеристике инфинитных форм, почему-то не говоря об именных граммемах (напр., падежах), присущих инфинитным формам, в силу чего они и могут быть отнесены к той или иной репрезентации или восприняты (по другой интерпретации) как глагольная часть речи с периферийными признаками именной части речи, т.е. с параметрами существительного.

Работа Е. И. Мартыновой, как уже отмечалось, — первое крупное и очень интересное исследование в области селькупского синтаксиса, чему посвящены II (с. 68—90) и III (с. 91—121) главы.

Во II главе рассматривается функционирование инфинитных форм в простом предложении. Автор говорит об инфинитных формах как компонентах аналитических конструкций, анализирует модальное и фазовое составное сказуемое и изучает инфинитные формы в роли членов предложения — подлежащего, сказуемого, обстоятельства, дополнения и определения. При переводах с селькупского заметна сознательная ориентация на русский язык, хотя разумнее было бы помимо литературного перевода давать более близкий к тексту перевод (с. 90, 95 и др.).

Если принять во внимание теорию С. Карцевского о бессоюзных структурах (открытых, закрытых, нейтральных), то части с инфинитными формами в открытых структурах можно переводить как бессоюзное сочинение, из которого в дальнейшем может развиться (и реально уже развивается) сложно-подчиненное предложение. Например, для фразы на с. 100 *Ататы најатым пираллүқты мунтың әмты-әйтүм атырла* (здесь и далее сохранено, несмотря на встречающиеся во многих случаях явные ошибки или опечатки, написание работы, где использована финно-угорская транскрипция К. Венде 1967 г. с заменой по техническим причинам неко-

торых знаков на имеющиеся в распоряжении автора) вместо перевода 'Когда мать лепешек напекла, все сели есть' более адекватным будет перевод с бессоюзием: 'Мать лепешек напекла, все сели есть'. Аналогично (с. 84) *Mat muntyk kötyptäm cäyka man ijamy mötты nöny pona paktys* переведено 'Не успела я все сказать, как мой сын бросился из дома на улицу' вместо 'Я все (го) не сказала (букв. сказывание-мое отсутствует), мой сын из дома на улицу выбежал'.

Досадны в этой же главе, как, впрочем, и в других, мелкие небрежности. Так, перевод одного и того же слова дается по-разному (напр. *rëty* 'бурки' на с. 59, 'унты' на с. 90, 'бакари', которые пишутся то через *o*, то через *a*, на с. 111). Подача материала требует унификации: не должно быть разнобоя в переводах сходных (и тем более одних и тех же, но на разных страницах приводимых) конструкций, что наблюдается, например, при переводе форм инфинитива: 'чтобы я сшила' (букв. 'сшить-чтобы-мне'), 'сшить (она)-чтобы', 'чтобы сшить' и т.п.

Богатый материал по мало разработанной теме позволил автору провести структурное и семантическое исследование 28 моделей конструкций с инфинитными формами. Автор подробно и тонко анализирует целевые, причинные, определительные, изъяснительные и временные конструкции, указывая в последних (список временных моделей представлен в табл. 6 на с. 107) на возможность двойной интерпретации примеров с общей временной соотносительностью, разбирая следование и предшествование главного события за событием зависимой части и затрагивая при анализе временных моделей глубинный, семантический уровень.

Глубокий синтаксический анализ полипредикативных конструкций селькупского языка и составляет основную значимость работы. В этом анализе автор проявила острую наблюдательность, понимание происходящих глубинных процессов, что очень нетривиально сделать для такого языка, как селькупский. Выводы и обобщения исследования могут быть использованы для уточнения и дополнения теории полипредикативности.

Работа Н.П. Гальцовой «Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта)» — новый и важный шаг в разработке проблемы темпоральности. На современном этапе развития уралоистики актуальность проведенного исследования не вызывает сомнения.

По своей проблематике эта работа связана с общетеоретическими вопросами функциональной грамматики. Исследование расширяет базу для создания теории ранговых структур, позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие морфологических категорий вида, времени и наклонения, дает возможность углубить изучение понятия таксиса на вновь вводимом в научный обиход материале тымского диалекта селькупского языка.

Изложение концепции автора четкое и полное. Работа строго подчинена решению поставленных задач (с. 18) и имеет трехчастную композицию (три главы), заключение, приложения (образцы парадигм) и список литературы (207 названий).

Главе I предшествует введение (с. 4—22; с. 23 — сокращения), в котором содержится философская и лингвистическая интерпретация понятия времени, дается обзор различных взглядов на особенности формирования категории времени в самодийских языках, свидетельствующий о большом разбросе во мнениях исследователей относительно этой категории (к сожалению, остается неясным, какой именно точки зрения на формирование категории времени из множества существующих придерживается сама автор).

Глава I (с. 24—63) содержит описание абсолютных времен — презенса I (настоящее абсолютное процессуальное / результативное) и претерита (давнопрошедшее процессуальное / результативное) в плане выражения и в плане содержания. Противопоставление претерита презенсу I, по мнению автора, составляет основу селькупской временной системы.

Анализируя абсолютные времена, Н. П. Гальцова, с одной стороны, принимает во внимание факт зависимости значений форм времени от видовой характеристики глаголов (имперфективных и перфективных), с другой, учитывает смысловые

разновидности форм времени, которых насчитывает шесть в презенсе и пять в претерите. Описание категории в плане выражения подытожено в информативной таблице на с. 29 и с. 54—56.

Автор рассматривает формы прошедшего процессуального как проекцию настоящего в план прошлого относительно момента речи. В обоих случаях выявляется наличие одного и того же видového оттенка, только в разных временных плоскостях.

В плане содержания в работе разграничиваются парадигматические (инвариантные) и синтагматические (транспозиционные) значения, представляющие собой результат нейтрализации противопоставлений настоящего / прошедшего, настоящего / будущего в плане синтагматики. Некоторые сомнения вызывают намеченные автором семантические разновидности презенса I, которые устанавливаются «на глазок», интуитивно, без попытки учесть дистрибуцию глаголов, на основании чего и можно было бы более объективно классифицировать значения временных форм (ср. примеры на с. 37—38 на т.н. настоящее актуальное и на с. 40 на настоящее постоянное. См. также примеры на с. 47, 58 и др.).

При сопоставлении семантики функционирования форм презенса I и претерита обнаруживается почти полная симметрия, параллелизм в плане семантических разновидностей (с. 62).

Большой интерес представляют наблюдения Н. П. Гальцовой над употреблением одного времени в функции другого. Правда, транспозиционные возможности абсолютных времен продемонстрированы на материале лишь небольших текстов, не получивших ни статистической, ни качественной обработки, как это было сделано в свое время в диссертации Л. А. Варковичкой «Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора)» (1947).

Во II главе (с. 64—104) анализируется т.н. относительное время, которое по универсальной таблице Р. О. Якобсона (Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Принципы типологического анализа языков различного строя, Москва 1972,

с. 102), дающей, подобно менделеевской таблице элементов, логическое исчисление всех возможностей существования глагольных категорий в языках мира, является коннектором (связывающей категорией, в отличие от десигнатора — категории описывающей) и называется таксисом. Данная грамматическая категория получила свое наименование (порядок, таксис) у Л. Блумфильда (1946), который ввел этот термин в научный обиход. Таксис, по Р. Якобсону, характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения. Таксис может быть независимым и зависимым. Последний выражает различные типы отношений к независимому глаголу — одновременность, предшествование, прерывание, уступительная связь и т.п. При зависимом таксисе категория времени как бы сама выступает в функции таксиса. Соотношение прошедшего (в селькупском языке это перфект) и настоящего (презенс II) может превращаться в противопоставление, которое Уорф (1946) назвал противопоставлением временного интервала и контакта между двумя сообщаемыми фактами. Судя по библиографии, работы Якобсона, Уорфа, Ланта и ряда других зарубежных исследователей не попали в поле зрения Н. П. Гальцовой.

При анализе перфекта и презенса II автор показывает, как складывается морфологическая и семантическая связь с причастными формами, как появляется синонимическое употребление различных временных форм. Например, формы перфекта от нерезультативных непереходных глаголов могут стать синонимичными результативному претериту и/или настоящему процессуальному. Впрочем, иногда у читающего возникают сомнения в правильности трактовки того или иного примера, поскольку фразы обычно вырваны из большого контекста, и остается неясным глубинный смысл глагола. К тому же автор нигде не объяснила свое понимание

грамматической синонимии. Тем не менее, в целом она удачно проанализировала способы выражения темпоральных отношений в тымском диалекте селькупского языка, исследовала взаимосвязь морфологических категорий вида, времени и наклонения. Н. П. Гальцова показала, что транспозиционные возможности времен — основа их семантического варьирования. В работе выявлена специфика временной системы селькупского языка.

При рассмотрении презенса II, слабо локализованного во времени, в поле зрения автора оказываются втянутыми некоторые инфинитивные формы и категории модальности.

Анализу форм модально-футуральной ориентации посвящена III глава (с. 105—135). В ней исследуется связь времени и наклонения, описываются значения опатива, подтверждаемые примерами, которые опять-таки вызывают иногда возражения или сомнения в силу субъективности определения значений (напр., с. 115—117): говорится о транспозиционных возможностях зловых форм, о развитии опатива II и т.д.

Уже простое перечисление всего круга затронутых проблем показывает серьезность проведенного исследования.

Работа выдержана в рамках единой схемы описания всех основных вопросов, касающихся категории времени в селькупском языке, в том числе вопроса сложнейших отношений между разными временами, отношений между видом, временем и наклонением. Иногда, правда, создается впечатление, что Н. П. Гальцова не проводит различий между понятиями вид, семантическая разновидность времени и способ глагольного действия (см. с. 78—80 и др.).

В целом работа ценна попыткой описать временную систему селькупского языка как автономное явление, а не рассматривать ее сквозь призму других языков.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)